

Читает Белла Ахмадулина

На пустой сцене пламенеют гвоздики, но, наверное, это длится всего одно мгновение. Потому что появляется она, стоит — в черном костюме, с той самой рыжей челкой, что мелькает изредка в строках ее. Стоит, дожидаясь покоя, тишины, даже вмешиваясь в их устройство. Вот уже первый легкий, летящий, неотделимый от нее жест ее руки. Вот она взяла порывисто свой стул со сцены и подала кому-то, кто не может найти места. И наступил миг — зазвучал ее голос. И если кто-то случайный, не читая афиш, на которых обозначено ее имя, вот уже, пожалуй, четверть века звучащее чистой нотой в русской поэзии, если кто-то услышал ее голос, он узнал ее сразу, без тех слов, которые произнес голос. Узнал интонацию — мучительную, неповторимую интонацию, в которой слилось все: боль и сомнения, стремление к максимальной правде, честности, мольба о понимании, мечта о дороге к сердцу, каждому отдельному человеческому сердцу.

Читает Белла Ахмадулина. В театре Абгосфилармонии — ее авторский вечер. Как и все другие ее авторские вечера во всех других аудиториях, проходит он при переполненном зале и при максимально возможном его соучастии. Те, кто слушают ее, отклоняются сердцеебием на ее слово, просят прочесть те или эти, особенно дорогие, особо полюбившиеся строки, посылают записки, благодаря, спрашивая, даже «вступая в пререкания», поддерживают ее — хрупкую, сомневающуюся, аплодируя ее репликам, ответам, ее стихам...

Читает Белла Ахмадули-

на. И не через зал — через время и судьбы людские ведет незримая, но явственная, бессмертная и всемогущая сила поэзии. Ведет она свой колдовской путь, устанавливая нерасторжимую связь тех, кто писал, страдал, растил слово в сердце, с теми, кто внимал, волнуясь и понимая, чтит, благоговет. И уже не одна она, Белла Ахмадулина, стоит на сцене. Рядом с ней те, без кого невозможна она, ее великие учителя, собратья... Пушкин в осеннем поэтическом вдохновении, Марина и Анна — Цветаева и Ахматова, два женских сердца русской поэзии, Борис Пастернак, маг и чародей русского слова... Эстафета поэзии летит через века, события, находя бессмертные в людских сердцах. И как всегда, как испокон веков в русской поэзии, — великий народ, родивший эти гении, присутствует в ней, полнит ее строки своим дыханием, своим молчаливым соучастием, своей добротой сердечной, становясь неотделимым «как слово и слово на моем и на их языке» — так выразила это чувство Белла Ахмадулина. И как величайшее заветное, как единственную просьбу, согласная отдать все до капли, просит она жизнь, судьбу: «Не отними от губ лишь Родину и Слово».

Читает Белла Ахмадулина. Читает свои стихи и переводы из Баграта Шинкуба и Галактиона Табидзе, читает написанное давно и совсем недавно — то, что вошло в ее новый поэтический сборник «Тайна». Читает то, что писалось в муках и потому не может не волновать, не рождать ответной реакции. И, слыша аплодисменты, читая слова благоговения, посланные незнакомой ру-

кой на сцену, благодарит тех, кому читает, признаваясь: «Черпаю в этом единственную выгоду своего существования». И низкий русский поклон — поэтессы читателю. Так завершается вечер. Только завершится он еще не скоро — оставляя в стороне пламень алых гвоздик и белую таинственность цветов, словно выросших из ее строк, тянется и тянется из зала на сцену, за кулисы толпа почитателей — за автографом, за словом, ответом. за поэзией, чья сила неведома и неисчерпаема.

Ю. ГЕРИЯ.

На снимке: читает Белла Ахмадулина.
(Фото В. Меликяна.)